

Другие берега

АКТРИСА

Вадим МИХАЛЕВ

“Дорогой Воробушкин!” Мало кто гадается, что именно так в письмах обращался к своей любимой, младшенькой дочурке Насте ее обожаемый папа, великий артист Александр Вертинский. Письма эти без улыбки умиления, без солнечного лучика в душе, без слезы воспоминания о собственном детстве и родителей читать невозможно. Вот, например, окончание письма от двадцать первого мая 1954 года: “Целую тебя в носик и в шейку, и в малявочку. Не забывай мыть руки, которые самые красивые в Москве и самые... чистые!” И подпись — “Твой папа Саша”.

Руки так и остались самые красивые и чистые в Москве. Последнее в прямом и переносном смысле.

Папа называл Анастасию Александровну Настей, может быть, поэтому ей не очень нравятся, чтобы ее так называли посторонние. Анастасия — это, наверное, больше соответствует ее внутреннему состоянию на людях. Есть тайна Вертинской. Можно любить или не любить ее творчество, называть или не называть звездой, но не признать ее исключительность, ее неравенство с простыми смертными невозможно.

Как мы восхищались и дорожили этим неравенством в советское время! Существование такой семьи казалось просто невероятным. В период, когда вслух, с гордостью можно было говорить только о своем рабоче-крестьянском происхождении, Александр Николаевич не скрывал, что он из семьи известного киевского адвоката. Его эмиграция, впрочем, как и его возвращение на Родину, восхищали. Находясь в России и выстрадав ее, он оставался эмигрантом, если хотите, в эстетическом смысле. Потому что “с планеты иной”, и еще потому, что артист.

*Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань.*

*Но не таким, как мы! Не нам,
Бродягам и артистам!*

Первая роль в кино, сыгранная Вертинской еще девочкой, — Асоль в фильме “Алые паруса”, любопытна этим генетическим эстетическим неравенством с другими. Его не надо было играть, оно было врожденным, хотя противоречило и ее обычному московскому детству, и пионерским линейкам, и комсомольским

обязанностям, к которым Настя относилась сознательно. А нечто отстраненное, даже загадочное, наверное, и не осознавалось ею самой, но было угадано камерой, заглянувшей в “Алых парусах” в эти русалочки, невиданные доселе глаза, остановившейся на открытых, по-женски чувственных и детски наивных устах, залюбовавшейся хрупкостью этого возраста, который так нежно называют подростковым.

В этой юной девочке уже тогда угадывалась невероятная сила духа, превращающая врожденное неравенство в позицию, в принцип, возвышающий челове-

разом для подражания, потому что это, скорее, тоска по прошлому, по ушедшей, а может, существовавшей только в набоковской литературе России.

Анастасия Александровна позволяет себе в жизни быть легкой для собеседника, не чурается сильных выражений, погружается в бытовые проблемы, водит машину, невольно усваивая многие водительские замашки на наших дорогах, но ничто не разрушает этот налет идеальности. Она всегда на “других берегах”, что особенно стало очевидным из цикла ее блестящих и умных, а потому ма-

лее соответствует ее аристократизму и нашей легенде о том, что все аристократы должны ездить в Париж.

Вертинская все время возвращается в Москву, хотя Франция куда более внимательна к творчеству ее отца: издавая у себя диски и пластинки, она до сих пор дает простор творчеству и самой Анастасии Александровны, которой на Родине ничего интересного не предлагают в кино и в театре. Она не принимает пьес и сценариев с предложением сыграть героиню, на третьей странице ругающуюся матом, на седьмой — снимающую белье. Она не общается с режиссерами, которые начали снимать фильмы и ставить спектакли прежде, чем научились читать и писать, но все равно возвращается в Москву. Возвращается потому, что “Мы — птицы русские. Мы петь не можем в клетке...” Еще потому, что здесь любимый Степа, сын, который так похож на деда Александра Николаевича, немного на отца Никиту Михалкова и очень близок матери. Анастасия Александровна из всех своих талантов первым называет материнский.

Многим кажется, что она недобра. Она не добренькая, не скорая до слез и внешних сожалений. Как человек верующий она по-православному милосердна и сострадательна. В то время как все охают да стонут о бедственном положении артиста, Вертинская создает фонд, который реально помогает многим в несчастье. Если любите поплакаться в жилетку, это не к Вертинской, но если идете на бой, на “крутой” разговор “в верхах” — это к ней. Очень пригодятся ее славное имя, ее ум, ирония и умение ясно объяснить ситуацию и проявить мотивы человеческих поступков. Для Анастасии творчество отца — не наследие, а заповеди. Она по ним живет. Александр Николаевич писал:

Я всегда был за тех, кому горче и хуже.

Я всегда был за тех, кому жить тяжело.

При этом Вертинская не фарирует, не изображает из себя, по случаю, сирому да убогую, не следует дурной моде. Она по-прежнему с Олимпа, всегда в форме, элегантно и хорошо собой. Хотя именно она могла бы пожаловаться, что ее тончайший артистический организм, ее фантастическая культура и изысканность выразительных средств, ее поразительное чувство меры и чувство изящной формы и все то же великое достоинство не своевременны в эпоху первоначального накопления капитала. Она опять, увы, вся в прошлом, а потому недостижима впереди.

Фото Н. САМОЙЛОВА

ка до художника, который не может быть таким, как все, не самобытным. Наверное, самой Вертинской ее последующие роли в “Человеке-амфибии”, “Гамлете”, “Войне и мире”, “Анне Карениной” и кажутся случайностью, но для стороннего наблюдателя это закономерное развитие ее внутреннего аристократизма как веры в свое особое предназначение. Недаром различные режиссеры и в кино, и в театре, когда заходила речь о роли аристократки, вспоминали о Вертинской. Она стала знаменитой, но никогда не была популярной — “не народная героиня”, а “всенародный идеал”. Тот идеал, который не достигается, который даже не является об-

ло кому нужных передач на телевидении, из ее нежелания участвовать в процессе разложения театра, который еще на ее памяти был вполне художественным. Она не вне нашей жизни, но она все время примеряет на себя нашу жизнь и чувствует, что здесь не все ее достойно. Имеет на это право. А потому уезжает, как правило, в Париж. В Париж, потому что именно там вместе с Александром Калягиным преподает в театральной чеховской школе. В Париж, потому что из всех мест своей эмиграции Александр Николаевич Вертинский наиболее тепло вспоминал о Париже. В Париж, потому что это, наконец, наибо-